

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

К. В. Фенин

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Россия*
E-mail: fenin.kir@yandex.ru

Данная статья посвящена специфике использования эмпирических доказательств в экономической теории. Приведены убедительные аргументы того, что в экономических исследованиях эмпирические проверки могут выступать как риторические приемы. Обосновано, что использование эконометрических методов в процессе эмпирических исследований не позволяет точно оценить истинность или ложность тестируемых экономических гипотез. Из этого вытекает свойство экономической теории как науки, допускающей плюрализм и вариативность академических истин. Результаты данного исследования могут представлять интерес для специалистов по методологии экономической теории, а также использоваться в процессе преподавания истории экономической мысли и экономической истории.

EMPIRICAL PROOF AS A RHETORICAL DEVICE OF ECONOMICS

C. V. Fenin

The article is devoted to the specifics of the use of empirical evidence in economic theory. Arguments are given that empirical tests can act as rhetorical techniques in economic research. It is proved that the use of econometric methods in the process of empirical research does not allow to accurately assess the truth or falsity of the tested economic hypotheses. This implies the property of economic theory as a science that allows pluralism and variability of academic truths. The results of this study may be of interest to specialists in the methodology of economic theory, as well as used in the process of teaching the history of economic thought and economic history.

Идея написать статью на такую несколько необычную тему возникла после знакомства с трудами В.Т. Рязанова, Д. Макклоски и А. Кламмера, в которых экономическая теория описывается в постнеклассической постмодернистской манере как сугубо «гуманитарная» наука, «жанр литературы» или даже «пространство разговоров» – полилог ученых и экспертов, пытающихся убедить всех и вся в своей правоте [1, 2, 3, 4]. На формулировку самого названия данной статьи автора натолкнула работа Д.Е. Раскова «Риторика новой институциональной экономической теории», в которой при анализе взглядов Р. Коуза на методологию экономической науки был упомянут занятый факт о том, что для Нобелевского лауреата по экономике «эмпирический тест служил исключительно риторическим приемом, направленным на убеждение». В современных условиях, когда, по мнению В.Т. Рязанова, ученые-экономисты отказались от использования понятия «закон» в рамках экономической теории в том строгом смысле, в котором оно используется в точных и естественных науках, заменив

его на «принцип или правило хозяйствования», – «вероятностный закон, закон низшего порядка», – особую роль стали играть всевозможные статистические и эконометрические проверки (доказательства). Цель же у данных эмпирических доказательств – сделать рассуждения экономистов аподиктическими, ибо все, что переводится в цифры мгновенно становится надежным [1, 5, 6].

Однако история экономической мысли наводит на размышления о том, что ошибочно приписывать отношение экономистов к эмпирической проверке как приему риторики (красноречия), свойственному исключительно нашему постмодернистскому времени. Сэр У. Петти, один из основателей классической политической экономии и статистики, автор «Трактата о налогах и сборах» и «Политической арифметики», соотечественник Ф. Бэкона, внедрившего в науку эмпирический метод, считал, что «выражая собственные мнения на языке чисел, мер и весов», можно освободиться от ненадежных «умозрительных аргументов». В применении статистики У. Петти видел возможность для науки использовать «аргументы, идущие только от чувственного опыта, и рассматривать казуальные связи, имеющие видимые основания в природе». Научное, да и жизненное, кредо сэра У. Петти можно описать его любимой фразой – «для начала нужно все подсчитать». Таким образом, У. Петти в своих взглядах на научное познание мира опередил известного «метромана» физика лорда Кельвина, провозгласившего, что «если вы не в состоянии выразить ваши знания о предмете в числах, значит, знания эти скудны и неудовлетворительны» [3, 7].

Сюда же можно отнести труды некоторых представителей немецкой исторической школы, которая отличалась своей феноменологичностью – стремлением изучать конкретные народнохозяйственные явления и процессы, для чего ей и требовалась статистика, но без выведения универсальных экономических законов. В этом случае использование численных данных, помимо чисто научной цели, также могло носить риторический характер – сделать экономическое исследование более весомым, убедительным в глазах читателей, сравнимым с достижениями в области естественных наук. Подобная позиция ярко прослеживается в докладе «Статистика как связующее звено между естествознанием и обществоведением», который сделал в 1894 г. в Москве А.И. Чупров. Представитель русской экономической науки, правопреемницы немецкой исторической школы, в конце XIX в. не скупился на комплементы в адрес статистики, с восторженным оптимизмом заявляя о том, что «лишь с тех пор, как обществознание стало в широкой степени пользоваться статистическим методом, оно получило некоторое право на приравнение к рангу точных наук, потому что метод массовых наблюдений предоставляет нам возможность безошибочно описывать факты из области обществознания и средства делать прогнозы – заключения о ещё неизвестных фактах на основании уже изученных» [8].

Более смелым в своих оценках относительно использования статистики экономистами для риторических целей оказался В.И. Ульянов-Ленин, который в своей всемирно известной монографии «Империализм, как высшая стадия капитализма. Популярный очерк» в 1916-1917 гг. вполне справедливо указал на то, что «...при громадной сложности явлений общественной жизни можно все-

гда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения» [9]. В каком-то смысле точка зрения В.И. Ленина воплотилась в научной дискуссии вокруг наличия или отсутствия больших циклов в экономике, участниками которой были Н.Д. Кондратьев и Д.И. Опарин в 1926 г. И доклад Н.Д. Кондратьева «Большие циклы экономической конъюнктуры», и контр-доклад Д.И. Опарина, которые нужно обязательно читать только совместно, – замечательные примеры употребления статистических расчетов для риторических целей, когда практически одни и те же данные используются для доказательства двух противоположных точек зрения. Опуская вопрос об антологической составляющей больших циклов, нельзя не признать, что стиль изложения своей позиции Н.Д. Кондратьевым отличается более высокой культурой и изяществом, чем у его «визави». Достаточно привести несколько выдержек из доклада «Большие циклы...», в котором ученый сам указывает на «спорадичность данных; ограниченность результатов и выводов своего исследования только условиями капиталистического общества и невозможностью распространения на другие системы хозяйствования; дискуссионность положения о соответствии статистических построений тенденциям реального экономического развития, и, наконец, осторожное предположение о том, что по имеющимся данным существование больших циклов конъюнктуры весьма вероятно». Возможно, именно такая подача материала Н.Д. Кондратьевым, опирающимся на тезис о вероятностном характере своей концепции, то есть риторически через самоумаление на уровне кенозиса обеспечила в последующем ему большой успех и внимание со стороны научной общественности [10].

Другой интересный случай, когда авторское самоумаление и даже самоирония сочетались в последующем с успехом в академическом мире, связан со статьей «Экономический рост и неравенство доходов» С. Кузнеца, опубликованной в 1955 г. В своей работе, очень бедной статистикой, основной идеей которой стало утверждение естественности роста неравенства доходов населения в процессе роста всей экономики, С. Кузнец, пытаясь защититься от возможной будущей критики, и для достижения большего воздействия на читателей, сделал своеобразную инверсию – сам признал, что его статья «примерно на 5% состоит из эмпирической информации и на 95% – из рассуждений, часть которых выдаёт желаемое за действительное» [11]. Таким образом, нобелевский лауреат по экономике 1971 г. (не)осознанно пошел в русле, описанным В.И. Лениным, риторически используя выборочные данные в подтверждении своей теории.

Раскрывая тему риторики эмпирических доказательств нельзя не упомянуть Р. Фогеля. Американский экономист и клиометрик, лауреат Нобелевской премии по экономике в 1993 г. «за применение количественных методов в экономической истории», прославился монографией «Железные дороги и рост американской экономики», опубликованной в 1964 г. В данной монографии Р. Фогель, анализируя влияние строительства железных дорог на развитие экономики США, сравнил реальный исторический ход событий с альтернативными (контрфактическими). Ученый обнаружил, что, если бы вместо железнодорожной системы перевозок грузов между штатами США развились бы системы

водного или гужевого транспорта, то американский национальный доход рос бы медленнее максимум на 2,5% в год. Научное сообщество было взбудоражено, поскольку бытовало мнение, что вклад в развитие экономики США, полученный от строительства железных дорог, намного существеннее [3, 12, 13].

Интерпретируя наследие Р. Фогеля, Д. Макклоски в своей книге «Риторика экономической науки» делает вывод о том, что вклад ученого в развитие экономического метода носит стилистический характер. По мнению Д. Макклоски, Р. Фогель как «писатель» создал несколько новых академических жанров и свою собственную аудиторию профессиональных читателей – клиометристов. Для этого ученый прибегал к сциентическим риторическим приемам: наукообразным формулировкам тезисов, линейному программированию, моделированию, многочисленным статистическим выкладкам, – многие из которых сознательно были выражены в количественной форме. При этом, чтобы угодить не только экономистам, но историкам, которые подчас подозрительно относятся к цифрам, Р. Фогель обрамлял каждое численное значение «заботливыми словесными украшениями: данное вычисление крайне приблизительно; оценка допускает наличие значительной погрешности и т.п.» [3, 12].

Для наглядной иллюстрации логики Р. Фогеля Д. Макклоски использовала «трехступенчатое доказательство малости», известное ещё как Закон Харбергера. Подобный стилистический прием часто практикуется в клиометрике [3]. Автор данной статьи сам попытался сформулировать в качестве примера обозначенного риторического аргумента трехступенчатое доказательство малости, используя анализ динамики и структуры ВВП Российской Федерации:

1. Академик РАН «Г.» предполагает, что вклад существенных ресурсов, – 10 трлн рублей, – в промышленность Российской Федерации обеспечит рост ВВП российской экономики на 10% в год за счет импортозамещения.

2. Однако, исходя из данных World Bank и Росстата доля промышленности в российском ВВП в 2021 г. составила 33,2% – 37% соответственно [14, 15].

3. Таким образом, вклад промышленного сектора в рост российской экономики (при росте ВВП на 10% в год) *ceteris paribus* не может превышать 3,3–3,7% (10%-й рост ВВП умножаем на доли 33,2% и 37%), либо для того, чтобы единолично обеспечить 10% роста экономики России наша отечественная промышленность сама должна вырасти за год в 3 раза, что очень маловероятно.

Разумеется, вышеизложенное доказательство малости не претендует ни на методологическую глубину экономического анализа, ни на точность расчетов. Однако статистические данные всегда отличаются неполнотой и вариативностью. Науке не известны ни точная численность населения Древнего Рима, которая по разным экспертным оценкам составляла от 173 тыс. до 1,2 млн человек, ни современной Москвы [16]. Здесь уместным предстает высказывание Я. Винера, ставшее своеобразным ответом лорду Кельвину: «Даже когда Вы и можете выразить свои представления о предмете в числах, они тоже скудны и неудовлетворительны» [3]. Истинное предназначение трехступенчатого доказательства малости – это служить в качестве риторического приема для того, чтобы убедить читателя в ложности мнения оппонента по какому-либо вопросу.

Безусловно, практика верификации собственной гипотезы и опровержения гипотез своих визави с помощью эмпирических методик не нова. Но современные экономисты, по мнению А. Кламмера, зачастую практикуют «ритуал самоопровержения». Вооружившись фальсификационной концепцией Сэра К.Р. Поппера и исчислив регрессию, ученые-экономисты в случае удачи «объявляют не о том, что эмпирическая проверка верифицировала теорию, а со скромностью указывают на то, что расчеты не смогли ее опровергнуть» [4].

В действительности, эмпирические проверки, проводимые посредством регрессионного анализа с использованием огромных массивов данных, не могут различать «правильные» и «неправильные» экономические теории. В каждом случае верификация или фальсификация будут одновременно касаться самой теории и множества вспомогательных предположений и атрибутов, необходимых для ее перевода в эконометрическую модель. Если экономист верит в теорию, то он может (скорее всего, даже и без злого умысла) подобрать данные, которые лучше подходят для его модели. Если же в ходе эмпирической проверки все-таки теория было опровергнута, нет гарантии того, что это не было вызвано какой-либо из вспомогательных гипотез. Подчас в исследовании задействовано так много всего, что неправильным может оказаться какой угодно фактор. В итоге, никакие эмпирические данные не являются решающими [4, 17].

Из этого следует, что даже новейшие эконометрические процедуры и иные методы, например, «машинное обучение», использующиеся в настоящее время для эмпирических проверок экономических гипотез, выполняют в основном декоративную функцию. Является ли подобное положение вещей проявлением очередного методологического кризиса в экономической теории? Утвердительно на данный вопрос еще в 1990 г. ответил Ж. Бодрийяр, указав на то, что «политэкономия подошла к своему концу, став лишь пародией на саму себя». Хотя французский мыслитель считал, что кризис в экономической теории был вызван иными факторами, а не «инфляцией» эмпирического метода. А вот П.А. Ореховский считает, что ярким признаком кризиса («когнитивного застоя») в экономической науке, по крайней мере, в её институциональном направлении, как раз таки и служит резкий рост академических работ, в которых «упор делается на количественные, инструментальные измерения, обсуждение качества статистических результатов и их обработки» [18, 19, 20].

Не смотря на эмоциональную убедительность аргументов относительно кризиса в «economics», встречающихся во многих научных работах, примером которых может служить замечательная статья П.А. Ореховского и В.И. Разумова «Время карнавала: российская высшая школа и наука в эпоху постмодерна», вывод о «когнитивном застое» в академической среде все же стоит считать спорным, если не ошибочным. Как было показано выше, риторический («декоративный») характер эмпирического доказательства в политэкономии имплицитно был заложен еще в XVII в. и может быть прослежен в трудах многих мыслителей и ученых-экономистов вплоть до нашего времени. Между тем, современная постнеклассическая наука, в том числе, и экономическая теория, как часть общечеловеческой культуры демонстрирует скорее трансформацию своего со-

держания, а не кризис. Роль исследователя в эпоху постмодернизма изменилась: ученые не столько постегают действительность, сколько конституируют и утверждают реальности, которых может быть очень много, и все они равноценны. Причем вариативный характер истины в экономической науке институционализирован на самом высоком формальном уровне – уровне Премий Шведского государственного банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля. Награждение за выдающиеся достижения в области экономических наук концептуальных оппонентов, которые придерживались противоположных взглядов на проблемы экономического развития, институты, экономическую политику и устройство финансовых рынков, не есть нечто экстраординарное. Причем, иногда «противников» премируют в один год. Стоит вспомнить лишь Ф. фон Хайека и Г. Мюрдаля (лауреатов 1974 г.) или Ю. Фаму и Р. Шиллера (лауреатов 2013 г.). Традиция «релятивизма» в Нобелевской премии по экономике была заложена изначально в 1969 г., тогда комитет осмелился наградить Я. Тинбергена за разработку методологии, которую критиковал Дж.М. Кейнс – самый влиятельный экономист первой половины XX в. [2, 4, 21–26].

Обобщая все вышесказанное, еще раз стоит отметить, что современный постмодернистский мир допускает сосуществование множества мнений, которые могут противоречить друг другу, но не признаваться ложными. Поэтому авторский взгляд на эмпирическое доказательство как на риторический прием, а не как на фундаментальный метод научного познания имеет право на существование. Современная культурная и научная среда предполагают свободу действий относительно генерации собственных научных теорий, которые могут, в конце концов, стать успешными. Успешность теории может быть следствием её прогностической силы, непротиворечивости и даже эстетичности. Все эти три компонента можно свести к понятию «убедительность», формирующемуся посредством использования грамотных риторических инструментов, одним из которых сейчас в обязательном порядке выступает эмпирическое доказательство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рязанов В. Т.* Понимание и истолкование в экономической науке: роль языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2008. № 4. С. 3-21.
2. *Рязанов В. Т.* Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб. : Алетейя, 2020. 436 с.
3. *Маккроски Д.* Риторика экономической науки. Второе издание. М. : СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения», Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 328 с.
4. *Кламмер А.* Странная наука экономика: приглашение к разговору. М. : СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения», Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 344 с.
5. *Расков Д. Е.* Риторика новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. 2010. № 5. С. 81-95.
6. Несправедливое справедливо: почему рациональность не поможет человеку решить все проблемы. [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/16119-nespravedlivoe-spravedlivo-pochemu-ratsionalnost-ne-pomozhet-cheloveku-reshit-vse-problemy> (дата обращения: 19.09.2022).

7. *Аникин А. В.* Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М. : Политиздат, 1975. 384 с.
8. *Чупров А. И.* Россия вчера и завтра. Статьи. Речи. Воспоминания. М. : Русский миръ, 2009. 528 с.
9. *Ленин В. И.* Империализм как высшая стадия капитализма. Государство и революция. М. : Изд-во АСТ: ОГИЗ, 2021. 512 с.
10. *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики / М. : Экономика, 1989. 526 с.
11. *Кузнец С.* Экономический рост и неравенство доходов // *Пространственная экономика.* 2008. № 3. С. 96-126.
12. *Fogel R. W.* Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History // Baltimore: Johns Hopkins Press. 1964. 296 p.
13. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 1993 was awarded jointly to Robert W. Fogel and Douglass C. North. The Official Web Site of the Nobel Prize [Electronic resource]. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1993/summary/> (accessed: 10.09.2022).
14. Industry (including construction), value added (% of GDP) – Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS?locations=RU&view=chart> (accessed: 20.09.2022).
15. Национальные счета. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 20.09.2022).
16. *Мэддисон Э.* Контуры мировой экономики в 1-2030 гг. / Очерки по макроэкономической истории. М. : Изд. Института Гайдара, 2012. 584 с.
17. *Ронкалья А.* Богатство идей: история экономической мысли / М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 656 с.
18. Научный семинар «Региональные аспекты макроэкономической политики». [Электронный ресурс]. URL: <https://economics.hse.ru/cseamr/announcements/566030264.html> (дата обращения: 20.09.2022).
19. *Бодрийяр Ж., Сиоран Э.* Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы / М. : Родина, 2019. 272 с.
20. *Ореховский П. А.* От перманентной революции к институциональному дизайну: эволюция авторитетного дискурса российских экономистов // *Общественные науки и современность.* 2019. № 3. С. 157-169.
21. *Ореховский П. А., Разумов В. И.* Время карнавала: российская высшая школа и наука в эпоху постмодерна // *Идеи и идеалы.* 2020. Т. 12. № 3. Ч. 1. С. 77-94.
22. *Ореховский П. А., Разумов В. И.* Между иронией и трагедией (к дискуссии об образовании и науке в журнале «Идеи и идеалы») // *Идеи и идеалы.* 2021. Т. 13. № 2. Ч. 1. С. 51-61.
23. *Родрик Д.* Откровенный разговор о торговле. Идеи для разумной мировой экономики. М. : Изд-во института Гайдара, 2019. 384 с.
24. *Трошихин В. В.* Современные философские проблемы социально-экономических и гуманитарных наук // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права.* 2010. № 1. С. 17-29.
25. *Ореховский П. А.* Столичная наука глазами туземца (Заметки на полях дискуссии) // *Общественные науки и современность.* 2019. № 5. С. 79-85.
26. *Черемисинов Г. А.* Современная скандинавская «Сага о политической экономии»: «Against the Stream. Critical Essays on Economics» Гуннара Мюрдаля // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право.* 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 243-254.